

ОТ ЭЙФОРИИ - К ГЛАДОМОРУ

ВОСПОМИНАНИЯ О «БОЛЬШОМ СКАЧКЕ»

**ТИБЕТ, ЛУШАНЬ: МЯТЕЖИ
«НА ЗАКАЗ»?**

Строки дневника: 28 марта 1959 г. Мятеж в Тибете... Вспыхнул 10 марта. 20-го НОАК получила приказ о его подавлении, сегодня Чжоу Энляй распустил Кашаг (местное тибетское правительство).

6 мая. В «Жэньминь жибао» - язвительный комментарий «Революция в Тибете и философия Неру». Былые друзья на глазах всего мира превращаются во врагов. Исчез далай-лама - и тут же рассорились две самые населенные державы, авторы «5 принципов мирного сосуществования» («Панча шила»).

6 августа. «Преодолеть правые настроения, добиться наращивания производства и экономики» - передовица «Жэньминь жибао» подобна набату: в китайских верхах вновь неспокойно. Текст полон туманных подозрений, источник коих - форум в верхах, собравшийся в Лушане).*

В 1951 г., когда Пекин установил контроль над Тибетом, Далай-ламе было 16 лет. Пекин приложил серьезные усилия для налаживания отношений с ним (пришлись кстати дипломатическая гибкость и обаяние Чжоу Энляя). Именно из его уст прозвучали гарантии: многовековые (клерикально-феодалные по сути. - А.К.) порядки в Тибете будут меняться постепенно, демократические реформы могут начаться лишь после 2-й пятилетки (т.е.,

А.С. КРУШИНСКИЙ

не раньше 1963 г.). Но вмешался «скачок»...

В пределах «политического Тибета» Пекин старался блюсти обязательства, но имелся еще и «этнический Тибет» - обширные территории с тибетским населением в провинциях Сычуань, Цинхай, Юньнань, Ганьсу, на которые Пекин эти самоограничения не распространял. Американец китайского происхождения Чэнь Цзянь в работе «Тибетское восстание 1959 г. и изменение отношений Китая с Индией и СССР» пишет: «В 1958 г., когда «большой скачок» охватил весь Китай, в этих местах стали разворачиваться более радикальные «реформы». В результате многие тибетцы - из высших классов и из низов - взбунтовались против власти Китая, создав повстанческое движение “4-х рек и 6-ти районов”... Мятежники получали, как теперь известно, разнобразную поддержку ЦРУ»¹.

Позднее на тему деятельности в этом регионе спецслужб США возникла пестрая серия «мемуаров»: «Тайная война ЦРУ в Тибете», «Воители Будды, или История тибетских борцов за свободу, поддержанных ЦРУ...», «Путь в Тибет, или Первый атомный шпион ЦРУ...», «Сироты холодной войны: Америка и борьба тибетцев за выживание»...

Автор последней из них - ветеран ЦРУ Дж.К.Наус, семь лет руководивший операциями по подготовке и засылке тибетских повстанцев, своей карьерой обязан Аллену Даллесу, инициировавшему эту «тайную войну» и... Мао Цзэдуну, без чьих просчетов ЦРУ осталось бы без «фронта работ».

В 1956 г. в секретный лагерь на территории США была переправлена на выучку первая груп-

па будущих боевиков-тибетцев. В 1957 г. их вернули в Тибет, а в 1958-м - и «скачок» тут как тут! Брожение охватило Цинхай, но и в апогее «скачка» Мао оставался бодр: «Если реакционные силы в Тибете решатся начать полномасштабный мятеж, - сказал он 24 июня 1958 г., - значит, трудовой народ выиграет благодаря более раннему освобождению». Ряды мятежников множились. «Будучи атакованы Китайской народно-освободительной армией, многие из них бежали в Лхасу, ища прибежища и требуя от Кашага дать отпор китайцам... В конце 1958 - начале 1959 гг. Лхаса, многие другие части и «политического», и «этнического» Тибета пришли в движение», - читаем у Чэнь Цзяня².

Вот уже времена эйфории позади, но в отношении тибетского кризиса Мао по-прежнему - оптимист. 19 февраля перед ним кладут рапорт генштаба НОАК о мятежах в Сычуани, Юньнани, Гансу, Цинхае, но Мао невозмутим: «Мятеж чрезвычайно благоприятен для нас, ибо способствует подготовке армии, подготовке народа... В военном отношении не надо бояться мятежа, напротив - его надо приветствовать...»³. Близорукость или легкомыслие?

Да, тибетское общество нуждалось в демократизации, а крестьяне нуждались (сами еще того не осознав) в освобождении от крепостного гнета. Но именно привнесение в тибетский кризис методов «скачка» повлекло единение тибетских верхов и низов.

Да, для НОАК разгром мятежа трудности не составлял. Но Мао Цзэдуну противостояли не столько «главари лхасской клики», сколько ЦРУ с Даллесом во главе. И тот переиграл Мао в стиле кун-фу (восточного единоборства, в коем против врага часто используют его же силу).

В рецензии на книгу Науса «Нью-Йорк таймс» привела его

Окончание. Начало см.: «Азия и Африка сегодня», 2009, № 4.

* Горный курорт на горе Лушань (неподалеку от Шанхая) был основан европейскими и американскими поселенцами с побережья, чтобы избежать жаркого влажного лета приморского Китая. После 1949 г. стал использоваться как место проведения партийных конференций и совещаний. Так, с 2 июля по 2 августа 1959 г. там прошло расширенное совещание политбюро, с 2 по 16 августа - пленум ЦК КПК.



диалог с Далай-ламой, состоявшийся в 1995 г. (уже после отставки автора «из органов»). На вопрос - хорошо ли, что ЦРУ помогало тибетскому сопротивлению, лидер ламаизма поблагодарил «за организацию повстанцев, охранявших его при бегстве в Индию в 1959 г.», добавил, что в ходе сражений были потеряны тысячи жизней и что правительство США ввязалось в дела его страны «не ради помощи Тибету, а ради холодной войны».

Догадывался ли о том же Далай-лама в 1959 г. и мог ли быть предотвращен его роковой побег? Судя по некоторым обстоятельствам, да.

Загадочный факт в этой истории - переписка Далай-ламы с комиссаром Тибетского военного округа, генералом Тянь Гуаньсанем: 6 писем с 10 по 15 марта. «Уважаемый Далай-лама! - говорилось в 1-м из них. - Очень хорошо, что Вы изъявили желание посетить штаб военного округа... Учитывая большие трудности, созданные для Вас заговорщиками провокациями реакционных элементов, это Ваше посещение можно было бы временно отложить». В заключительном письме (от Далай-ламы) сказано: «Если через несколько дней будет в наличии определенная сила, которой можно будет доверять, то я тайно направлюсь в штаб военного округа».

Текст каждого письма генерал согласовывал с Пекином, причем

Мао предупредил: формулировать переписку надо так, чтобы потом можно было ее опубликовать. С кем согласовывал тексты Далай-лама, неизвестно (уж не с Наусом ли?). Но и они вполне годились Пекину (все вместе были опубликованы: 29 марта 1959 г. в «Жэньминь жибао», 6 апреля - в «Правде»). Занятно следующее: 15 марта Далай-лама подтвердил намерение перебраться в штаб НОАК, а через день... бежал с эскортом, подготовленным ЦРУ. Говорит ли это о двуличии Далай-ламы? Или подкрепляет пекинскую версию о похищении? Наконец, что значило - «определенная сила, которой можно доверять»?

...Беззастенчивую занозу, полученную Китаем в Тибете из-за «большого скачка», не удастся извлечь и по сей день. Еще горше: КНР и соседние державы оказались жертвами геополитической катастрофы, подорвавшей равновесие в мире: дружественные союзные отношения Китая с Индией сменились их долгой пограничной войной, ставшей, по выводам Чэнь Цзяня, началом краха «великой китайско-советской солидарности». Шансы избежать всего этого сохранялись, возможно, даже в феврале-марте 1959 г., когда операция Алена Даллеса (одна из успешнейших в его биографии) достигла своего пика. Но Мао сам подталкивал тибетцев к мятежу.

Партийный конфликт, вспыхнувший в Лушане в августе

«Большой скачок»: эйфория, обожествление вождя...

1959 г., имел нечто общее с «взрывом» в Тибете: и там, и там Мао можно уличить в подстрекательстве.

Член политбюро ЦК КПК, министр обороны маршал Пэн Дэхуай вовсе не жаждал, судя по документам, «поднимать бунт»: он даже хотел уклониться от участия в «посиделках», но на его приезде настоял Мао. Свои мысли по «скачку» и «коммунам» маршал изложил в конфиденциальном письме Мао Цзэдуну, но тот повелел его размножить и обсудить. Именно Мао обострил атмосферу, понуждал к полемике.

Пэн Дэхуай не был в Лушане «рыцарем-одиночкой»: на его защиту отважились несколько видных партийных и военных деятелей. Но самые влиятельные лица (ранее не раз оппонировавшие Мао Цзэдуну) - Чжоу Эньлай, Лю Шаоци - не устояли перед нажимом, примкнули к осуждению «правой платформы». Именно «раздвоение сознания» и было тем злом в высшем эшелоне КНР, что помешало воплотить в дела полураскаяние, осенившее Мао на рубеже 1958-1959 гг. Его тогдашняя самокритика выглядела острее августовской критики Пэн Дэхуая, но очень уж хотелось сохранить за «скачком» и «коммунами» статус «священных коров»! «Хунци» («Красное знамя» - политический

журнал, орган ЦК компартии Китая. - Прим. ред.) обнажал просчеты «коммун», а на Первомайской демонстрации в Пекине распевался свеженький «шлягер» маоизма «Народные коммуны - это хорошо!» Между тем, угроза голода крепчала - а с ней и возможное признание ответственности Мао. «Мятежи» - тибетский и лушаньский - могли стать «палочками-выручалочками».

10 сентября 1959 г. кончилась (за пару недель до срока) моя командировка: из Москвы пришла телеграмма о кончине отца. Последние новости, с которыми я улетал: на китайско-индийской границе развязались военные действия; маршал Пэн Дэхуай снят с поста министра...

Из Решения VIII пленума ЦК КПК

«Об антипартийной группировке, возглавляемой Пэн Дэхуаем»

«...Пэн Дэхуай нарочито подчеркивал недостатки, носившие лишь временный характер или касавшиеся отдельных сторон жизни, многие из которых уже были преодолены или быстро преодолевались, и сильно преувеличивал их... Фактически он отрицал победу генеральной линии партии, отрицал успехи большого скачка, выступал против высоких темпов развития национальной экономики, против движения за получение высоких урожаев на сельскохозяйственном фронте, против движения масс за увеличение производства металла, против движения за создание народных коммун...

В своем письме к товарищу Мао Цзэду он явно клеветнически охарактеризовал революционный энтузиазм партии и миллионов масс как «мелкобуржуазный угар»; он дошел даже до того, что во время бесед неоднократно заявлял: «Если бы китайские рабочие и крестьяне не были такими сознательными, то в Китае возникла бы венгерская ситуация и пришлось бы приглашать советские войска». Совершенно очевидно, что это не отдельные ошибки, а целостная правооппортунистическая линия, носящая антипар-

тийный, антинародный, антисоциалистический характер...»⁴

ГЛАВНЫЙ ИТОГ: ГЛАДОМОР

Строки дневника: 8 декабря. Возникли слухи о трудностях с продовольствием. Глядя на пекинские харчевни, в это не верится, но нет дыма без огня...

26 июня 1959 г. Чжоу Эньлай сообщил, что к маю 1959 г. в некоторых провинциях КНР имел место голод, для преодоления которого пришлось обратиться к госрезервам.

«...Дедушка умер. Мы - мама, бабушка и я - хотели отодвинуть его к краю кана*, куда не доходит тепло из очага, но не смогли. Вытащить наружу не было сил... Через несколько дней умер папа, мы придвинули его к дедушке. Когда

умерли от голода ее сестра, бабушка, брат, два дяди и мама. Но текст, записанный со слов китайского крестьянина Чжан Цзиньюаня (также пережившего голод 12-летним), - еще страшней.

...Человек, вошедший в фанзу, где рядом с разлагавшимися трупами покорно ждали кончины мальчуган и его бабушка, был родственником из соседнего села. В его семье все умерли от голода, и он вышел на поиск родни - не осталось ли кого-то в живых? Он разжег в очаге охапку сухой травы, вскипятил воду, покормил их лепешками... Бабушка и 12-летний Цзиньюань выжили. Иначе в «Хронике сиротского дома Динси»⁵ не оказалось бы данного «свидетельского показания».

Причиной голода, убившего Таню Савичеву, была немецко-фашистская блокада (дневник



умерли обе сестренки - их придвинули к папе. Потом мама вынесла их одну за другой из дома и сожгла в сухой траве... Мама сказала бабушке, что пойдет поискать съестного, наказала ждать ее 15 дней. Но не вернулась... Бабушка меня закутала, а я думал, что вот-вот умру. Или от голода, или от холода. Как вдруг в дверь постучали...»

Этот текст напоминает дневник Тани Савичевой, 12-летней ленинградской девочки, запечатлевшей, как с 28 декабря 1941 г. по 15 мая 1942 г. поочередно

...и голод и холод для миллионов и миллионов китайцев.

Тани, напомним, фигурировал среди документов обвинения на Нюрнбергском процессе главных военных преступников). От недоедания, бомб и артобстрелов за 900 дней погибло около миллиона ленинградцев, что расценено в мире как одна из самых трагичных страниц Второй мировой войны. Иногда утверждают, будто «равной трагедии не знала мировая история»⁶. Но «российский аршин» слабоват для Китая: только в 4-х провин-

* Кан - отопляемая кирпичная лежанка, представляющая собой часть дымохода.

циях в тот голодомор, по данным Ян Сяньхуэя, умерло: в Сычуани - 10 млн человек; в Анхое - 4 млн; в Хэнани - 3,8 млн; в Ганьсу - 1 млн*.

Свое расследование Ян Сяньхуэй вел не в масштабах всего Китая - сосредоточился на округе Динси (куда регулярно ездил 3 года кряду), на конкретных судьбах. Это позволило ему в деталях воспроизвести быт, образ поведения людей в условиях бедствия (хотя угол обзора сузился, важные политические нюансы остались, как увидим ниже, «за кадром»).

«С 1958 по 1960 годы люди округа Динси жили как в аду, - пишет он. - Питались корой. Если у села росли вязы, их стволы вскоре оголились. Потом пришел черед тополей, персиковых деревьев. Когда не осталось коры, в ход пошла шелуха, остающаяся после молотбы. Ее пекли в котле, затем промалывали жерновом и пили, размешав в воде. Подали гречишную шелуху, какой набивают подушки». «Рецептов», описанных в книге, нет в кулинарных справочниках. Например: «бульон» из гречишной шелухи. Поскольку она очень жесткая, ее прожаривали, размягчали, потом промалывали до состояния порошка и, наконец, бросали в кипящую воду, варили... Экстремальным вегетарианством жестокость голодомора не ограничивалась: «среди выживших, - цитирует Ян Сяньхуэя еженедельник «Фэнхуан чжоукань», - очень многие ели человеческое мясо».

В рейтинге лучших книг 2007 г., который составили 42 органа СМИ, пишущие о литературе, «Хроника сиротского дома Динси» оказалась второй⁷. Она составлена из документальных новелл (общим числом - 22). Впечатляет умение автора «разговорить» собеседника, вывести все сокровенное, что запало в глубины души. Ну а с фактами обращается как хирург - невозможно

препарировать, преподнося читателю без каких-либо табу. В том числе, факты каннибализма. На контрасте моральной деградации и высокой жертвенности построена в «Хронике» новелла «Черный камень» о двух матерях: одна съела собственное дитя в разгар голодомора (и прожила до 90 лет, зачем-то присовокупляет автор); другая добровольно ушла из жизни - чтобы ее ребенок получил право поступить в сиротский дом...

Кто виноват? Немало изобретательности и энергии проявил писатель, разыскивая человека, который в те годы возглавлял партком одного из уездов этого округа. Найдя, спросил: какова его личная ответственность за голод. «Ответственность на мне лежит, но не только на мне, - сказал экс-секретарь. - По указанию сверху я был обязан обеспечивать централизованный сбор зерна и отвечать за его сохранность. Хотел, когда начался голод, уберечь зерно, но не смог... Не было права даже на то, чтобы выдать крестьянину полкило зерна. Ибо зерно, после обмолота, становилось собственностью государства...»⁸

Вот версия Ян Сяньхуэя о первопричинах бедствия:

«Год от года сельскохозяйственное производство сокращалось, урожайность падала**». Однако секретари парткомов коммуны, уезда рапортовали, что урожай собирается все более и более высокий*** ... При нормальных условиях с одного му можно было получить более чем по 100 цзиней зерна, но в эти времена урожайность ополовинилась. Однако партийный секретарь мог, составляя рапорт, написать, будто получено «2000 цзиней с одного му...»⁹

«В 1959 году, после наступления коммунизации¹⁰ вступила в силу политика принудительных закупок продовольствия у крестьян»

** Ян Сяньхуэй не прав: урожай 1958-го был гораздо выше «дореволюционных» - наивысшим за всю китайскую историю, однако маоистская власть не сумела, как мы уже знаем, им распорядиться.

*** Уже в 1958 г. порочность такой практики осознал сам же Мао: в ноябре на расширенном совещании политбюро он осудил принятую «в части уездов» практику очковтратительства при составлении сводок об урожае, поветрие дутых рекордов. Но из-за двусмысленности указаний вождя, запутавшегося между истиной и своими амбициями, остановить маховик «коммунизации» не удавалось.

ян. Даже дав абсолютно все зерно, что удалось вырастить, крестьяне не могли справиться с заданием...»

О навязывании Мао Цзэдуном курса «трех красных знамен» (одно из коих - «коммунизация» села), об аванюре с бесплатной кормежкой в «коммунах», о борьбе «наверху» - ни слова. Назвав китайский народ «чистым листом бумаги», Мао воображал, будто «рисует» коммунизм и благоденствие - получились голодомор и каннибализм. Но его Ян Сяньхуэй предпочитает не упоминать. И это объяснимо. Во-первых, о сути «большого скачка» он, как и большинство сверстников, осведомлен слабо. Во-вторых, и над ним довлеет, видимо, удобная для рыночной перестройки пропагандистская установка - ошибки «периода кривых зигзагов» отделять, по возможности, от личности их инициатора; вину перекладывать на «нерыночную» систему как таковую, оберегая (в интересах стабильности) репутацию Основателя Нового Китая.

О «ПОЛЬЗЕ» КРИВЫХ ЗИГЗАГОВ...

Строки дневника: 24 декабря 1993 г. Огромная (больше газетной полосы) передовица «Жэньминь жибао», озаглавленная «Два великих деяния в жизни Мао Цзэдуна», посвящена его 100-летию. О «деянии № 1» сказано лаконично: «возглавил партию и народ в борьбе за свержение господства империализма, феодализма и компрадорской буржуазии, выполнил задачи народно-демократической революции». 99,9% текста - о «великом деянии № 2», стержни которого, как явствовало из текста, - «большой скачок», «народные коммуны» и «культурная революция».

В течение двух десятилетий, начиная с 1957 г., констатировал орган ЦК КПК, социалистическое строительство в Китае шло «кривыми зигзагами», «со множеством ошибок» (оние, хоть статья - юбилейная, упоминались чуть ли не в каждом абзаце). Однако это 20-летие трактовалось в статье как «великое и важное». Именно то, что Мао вместо планового строительства по примеру СССР развернул волюнтаристский «скачок» (увенчавшийся

* Этот голодомор (ошибочно датируемый в книге Ян Сяньхуэя 1958-1960 гг.) протекал в 1959-1962 гг. Оценки экспертов разнятся. Одна из последних принадлежит проф. Вэй Цзиданю: 46 млн чел. Вот его расчеты числа умерших по годам: в 1959 - 5 млн 220 тыс.; в 1960 - 11 млн 550 тыс.; в 1961 - 13 млн 270 тыс.; в 1962 - 116 тыс. - www.chinaeweekly.com/viewarticle_gb.aspx?vID=5614

гладомором), поставлено ему в заслугу!

Странная «перекличка эпох»: в 1957 г. Мао Цзэдун изрядно шокировал Международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве, намекнув на приемлемость гипотетической жертвы в сотни миллионов человеческих жизней ради утверждения (после мировой термоядерной войны) коммунизма. А из логики цитируемой статьи проистекает приемлемость уже постигшей Китай жертвы в десятки миллионов китайцев: зато, мол, КНР «не застреля в обозе реального социализма».

Мао сыграл ведущую роль в развале союзнических отношений между нашими странами - спасибо «Жэньминь жибао» за признание этого факта. За два года работы в Китае я соприкоснулся с множеством фактов благотворной роли советской помощи, подлинно братских отношений двух народов. Объективный разбор событий и их фона показывает, однако, что отречение от советской модели не было его самоцелью. Над Мао довлекло нетерпение ускорить развитие, опираясь при этом на массовые движения (в конструировании коих был корифеем). Пик эйфории совпал со злополучным визитом Хрущева (1954 г.), а 3 месяца спустя все, чем козырял Мао, обернулось миражом.

Что же касается антисоветизма, одобренного в упомянутой статье как «2-е великое деяние Мао», то он формировался в «соавторстве». Свою долю ответственности за него несет также и дипломатия Хрущева, отозвавшего летом 1960 г. (в КНР как раз начиналась нормализация!) всех советских специалистов. О лучшем подарке Мао и не мечтал: ему дали шанс свалить на СССР собственную вину за развал своей экономики...

...В моем семейном альбоме есть фото проводов жены в 1959 г.: на перроне ее студенты, у многих на глазах слезы. Кто-то сошлется на афоризм Киплинга: «Запад - есть Запад, Восток - есть Восток...» У нас иной опыт, мы убеждены: чувства с обеих сторон были искренними.

Кстати, всё ли полвека назад было сделано «понапрасну»? Огульно хулить тогдашние задумки нечестно: следы многих тя-



нутая в нынешнюю эру «реформ и открытости». «Ниточка» есть даже в судьбе первой стройки «скачка», безнадежно, казалось бы, проваленной, - Шисаньлина. Минувло полвека - и превзойдены самые смелые видения инициаторов проекта (малая ГЭС, рыбное хозяйство, гольф-клуб). Здесь вырос стадион для триатлона - один из объектов «Олимпиады-2008». Критикуя Мао, надо помнить, что именно в годы 1-й пятилетки и «большого скачка» с помощью СССР был создан тот задел, на основе которого достигнуты сегодняшние успехи.

Тогда же Мао просил Хрущева помочь в создании подводного флота (от чего тот - с учетом тогдашних реалий - благоразумно уклонился). Сегодня КНР именно у РФ закупает подлодки, эсминцы.

Установки «большого скачка» и нынешнего «рывка в рынок» по ряду позиций сходны. Но есть нечто, где сходства нет и быть не может: «коммунизация». То, откуда вышел страшный гладомор 1959-1962 гг., обусловивший неизбежность реального урегулирования 1960-1965 гг. (теперь уже - в исполнении «скептиков-прагматиков»). Мао был тогда «отодвинут» от хозяйственной политики, назревала реабилитация Пэн Дэхуая и других «врагов». Это и толкнуло его развязать в

«Перевоспитание» в духе «культурной революции».

1966 г. «культурную революцию», также повлекшую многомиллионные жертвы. «Революцию», сочетавшую в себе месть и упреждающую удар.

¹ Chen Jian. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union... - <http://www.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf>

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Маоизм без прикрас. М., 1980, с. 172-179.

⁵ Ян Сяньхуэй. Хроника сиротского дома Динси. Пекин, 2007.

⁶ См: Родная газета, 08.09.2006.

⁷ http://www.danwei.org/books/top_books_for_2007.php

⁸ Ян Сяньхуэй. Указ. соч.

⁹ Там же, с. 70.

¹⁰ ЦК КПК декретировал замену с/х кооперативов коммунами в августе 1958 г.; в ноябре Мао признал порочность уравниловки и многих перегибов «коммунизации»; в феврале-марте 1959 г. прозвучал сигнал о восстановлении приусадебных хозяйств. Активная фаза «коммунизации» длилась лишь два с лишним месяца 1958 г., оставив необратимые потери: массовый забой скота и птицы, сокращение посевных площадей (при снижении плодородия), утрату доверия крестьян к КПК.